

Луна отражалась в воде, и её серебристое сияние казалось застывшим в глубине нефритовым диском.

Всё, куда падатки глаз, было залито потоками расплавленного золота и серебра. Чистое небо напоминало умытое зеркало, а меж зеленых тропинок, окруженных густыми кронами деревьев, тенистыми аллеями и буйными цветами, колыхались отражения луны, сливавшиеся с небесами — столь призрачные и нереальные, что уже невозможно было отличить правду от иллюзии.

В столь редкостном по своей красоте лунном свете точеную, стройную фигуру было видно издалека: постепенно приближаясь, человек шёл плавной и неторопливой походкой, и хотя чертовски привлекательного лица ещё не было толком разглядеть, уже чувствовалось, что этот образ превосходит даже это несравненное лунное сияние.

Цинь Юнцзюэ шел в сопровождении Чжоу Фуциня и других спутников. Он только что искупался, и его черные как смоль волосы ещё не высокли, небрежно рассыпавшись по плечам и спине. Его одежда была специально заменена: нижний халат из снежно-белого тончайшего шелка при первом же взгляде выдавал самую мягкую и нежную к телу ткань с искусно вытканым, но не перегруженным деталями темным узором, которая свободно и небрежно облежала его изящный стан. Видимо, вода для купания оказалась слишком горячей, из-за чего воротник, собранный складками наподобие лепестков цветов, был широко распахнут, обнажая крупные, безупречные ключицы, белые и гладкие, как нефрит — даже фарфор под луной не мог с ними сравниться.

Ван Сяояо, разумеется, был человеком крайне изысканным: поверх белоснежного шелкового халата он накинул еще одно одеяние из полупрозрачной дымчатой ткани цвета молодой полыни с нежно-серебряной каемкой на манжетах и подоле.

Он по-прежнему выглядел ветреным и преисполненным ленивой грации, даже облаченный в столь простую и небрежную одежду. Нет, скорее, именно избавленный от пышных парадных парчовых одеяний и драгоценностей, его дарованная небесами несравненная красота наконец проявилась в полной мере. В этот момент на его прекрасном лице играло легкомысленное выражение, впрочем, вовсе не казавшееся распушенным, а напротив, источающее мягкую, гармоничную прелесть, соперничающую с самой луной.

До меня давно доходили слухи, что пейзажи и воды Цзяннаня прекрасны, а здешние красавицы — и вовсе непревзойденное чудо. Я же, хоть и живу подолгу в столице, всем сердцем восхищался здешними местами. К тому же нынешняя ночь столь упоительно прекрасна под луной, что в груди сладко замирает от тоски. Вот я и пригласил их в долину — выпить вина и полюбоваться луной, разве это не великолепно? Глава союза Чжао, что вы на это скажете?

Цинь Юнцзюэ держал в руках не свою фиолетовую нефритовую флейту, а лишь веер из черненого железа с нефритовыми пластинами; в ночной полутьме его было трудно разглядеть, но казалось, что он лишь сильнее подчеркивает его утонченный, склонный к наслаждениям и безудержно-свободный нрав.

Говорить с такой непринужденной естественностью, превращая поиск продажной красавицы для плотских утех в изысканную благородную встречу образованных мужей... Пожалуй, во всей Поднебесной сыскался бы лишь один такой человек — ван Сяояо Цинь Юнцзюэ.

Сопровождавшие Цинь Юнцзюэ люди дружно отвели глаза, мысленно пообещав себе впредь держаться от ван-е как можно дальше.

О многочисленных любовных похождениях ван Сяояо Чжао Юйчжэн, разумеется, тоже доводилось слышать. Чьим-то чужим пристрастиям она не собиралась чинить препятствий и не стала бы говорить лишнего. Но взаимное уважение всё же должно существовать: то, что он попался ей на глаза сейчас, еще куда ни шло, но в последнее время в долине гостит немало людей, среди которых есть и совсем юные отроки и девицы — если они вдруг столкнутся с подобным... Чжао Юйчжэн не желала продолжать эту мысль и лишь мягко предостерегла:

— Юйчжэн долгое время живет в Цзяннане, и мне доводилось слышать о «славных подвигах» маленького ван-е. Воистину, они гремят как гром, и забыть их невозможно. Однако Цзяннань — не столица, а Долина Хаожань — в конце концов, не Резиденция ван Сяояо. Если маленькому ван-е хочется позабавиться вволю, боюсь, ему придется вернуться в Резиденцию ван Сяояо.

— Ох, — легко рассмеялся Цинь Юнцзюэ, являя собой поистине несравненную, ослепительную красоту. Он подался вперед к Чжао Юйчжэн, склонил голову набок и посмотрел на нее сверху вниз взглядом донельзя соблазнительным, в то время как его легкомысленный голос звучал с едва уловимой ноткой баловства: — У главы союза Чжао ну очень крутой норов. Уж не ревнуете ли вы? Раз уж вы давным-давно наслышаны о моих «подвигах», не остаться ли вам здесь, чтобы вместе с ван-е полюбоваться луной и сотворить прекрасную легенду... — говоря это, Цинь Юнцзюэ вошел во вкус, поднял руку и кончиком нефритового веера приподнял подбородок Чжао Юйчжэн, а его взгляд заметно потеплел. — И как вам такое предложение?

Веер едва успел коснуться подбородка Чжао Юйчжэн, как Цинь Юнцзюэ почувствовал порыв резкого ветра. Четверо телохранителей за его спиной мгновенно всполошились, в едином порыве выхватив мечи для совместной атаки, однако стоило им лишь обнажить клинки, как Чжао Юйчжэн уже вихрем отскочила назад, а ее меч вернулся в ножны.

Телохранители уже собирались броситься в окружение, но Чжоу Фуцинь тут же взмахом руки остановил их. Четверка наконец унялась, однако все они затаили дыхание и не сводили глаз с Чжао Юйчжэн, не смея вернуть оружие в ножны.

Скорость движений Чжао Юйчжэн была такова, что они не успевали за ней. Они даже не смогли толком ее разглядеть.

Лепестки и листья цветов, рассеченные отблеском меча, заслонили лунный свет и, кружась, опали вниз. Несколько из них прилипли к плечу и манжете Цинь Юнцзюэ... а также к тому самому кончику веера, что секунду назад касался подбородка Чжао Юйчжэн. Цинь Юнцзюэ, разумеется, заметил это. Он отвел веер и прижал его к груди, в то время как на его лице расцвела самая что ни на есть лучезарная улыбка.

— Никакая лунная красота не сравнится с ударом меча в руках красавицы. Маленький ван-е оценил.

Чжао Юйчжэн прихватила с собой Чжао Етаня и, развернувшись, зашагала прочь, оставив позади лишь холодный и гордый голос, прорезавший ночную тишину:

— Ночи нынче глубоки, роса тяжела, немудрено и простудиться, в Долине Хаожань же сырость особенно сильна. Прошу маленького ван-е одеваться теплее и беречь себя.

Едва ее голос смолк, а Цинь Юнцзюэ и остальные еще не успели до конца осознать смысл сказанного, как раздалось несколько резких и чистых звуков рвущейся ткани: его верхнее распашное одеяние цвета молодой полыни разом распоролось на несколько длинных полос и, соскользнув с плеч Цинь Юнцзюэ, плавно опустилось на усыпанную лунным светом землю.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина — никто не смел вымолвить ни слова.

Цинь Юнцзюэ проводил взглядом силуэт Чжао Юйчжэн, скрывшийся в туманной ночной мгле, тронул изящными пальцами собственный подбородок и многозначительно произнес:

— На такую красавицу, как глава союза Чжао, можно лишь любоваться издалека, не смея осквернять прикосновениями. Впрочем, мне такое по нраву.

Мысленно четверо телохранителей вместе с Чжоу Фуцинем взмолились: С главой союза Чжао шутки плохи, ван-е, ради всего святого, оставьте хоть нам, хоть себе путь к отступлению, а?

— Ну а сегодня ночью в моем сердце лишь вы одни, — Цинь Юнцзюэ приобнял продажную красавицу и в сопровождении свиты триумфально вернулся в гостевые покои.

После долгих дней верховой езды и утомительного пути Чжао Цзинъань и впрямь порядком устала. Проводив Цзян Шэня и приведя себя в порядок, она едва успела коснуться подушки, как провалилась в крепкий сон.

Однако даже во сне ей не было покоя. То ей чудилось, будто она на поле брани: пришпоривая коня, она вместе с дедом прорывается сквозь вражеские ряды под градом стрел, но ее конь почему-то никак не может догнать деда. То она теряла свой лук и стрелы, из-за чего отряд не мог прорвать окружение, а сама она срывалась в пропасть и падала, падала без конца. То она сидела под кленовым деревом, тупо уставившись на спину некоего красавца в красных одеждах — и в тот самый момент, когда он собирался обернуться к ней лицом, почтенный генерал Чжао неожиданно хлопал ее по плечу и рывком во всю мочь: — А секретное послание ты передала Чжао Сюньюаню?!

Крик прозвучал настолько реалистично, что Чжао Цзинъань в испуге проснулась. Шаря рукой под подушкой, она нащупала тайное послание, бывшее в полном порядке, и лишь тогда с

облегчением выдохнула.

Из окна уже пробивались первые лучи утреннего света, и сердце Чжао Цзинъань тревожно затрепетало: почему ей снова приснился этот мужчина в красном? И какие отношения связывают его с Чжао Сюньюанем? Не может же быть такого невероятного совпадения, чтобы он оказался... Чжао Цзинъань тут же отбросила эту мысль: тот красноулый незнакомец явно не производил впечатления родственника главы союза, он уж точно не мог быть братом Чжао Сюньюаня — Чжао Сюньюанем.

Пожалуй, лишь к юноше-герою, встреченному в самом начале странствий столь случайно, мог возникнуть столь глубокий интерес. А мир Цзянху так огромен, что надеяться на новую встречу, пожалуй, придется еще очень нескоро.

Нахлынувшее внезапно чувство утраты непрерывным потоком заливало ее душу. Ее появление в этом Цзянху — не более чем мимолетное мгновение, она улетучится в один миг, и те друзья, что обретены ныне, возможно, больше никогда не увидятся, затерявшись в стремительном потоке вечно бегущих лет. Подобно жизни — бурной, но опасющейся любых случайностей.

В раздумьях она чуть качнула рукой, сжимавшей чашку с чаем, и тут же мысленно выругалась — вся вода плеснула прямо на то самое важное послание. Забыв обо всем остальном, она в панике вытащила письмо и принялась его осматривать, а ее личико мгновенно побелело: бумага, залитая водой, была совершенно пуста. Ни строчки, ни единого знака препинания — ничего.

— Неужели это он?

Вся дорога стремительно пронеслась в памяти Чжао Цзинъань, и к какому бы выводу она ни приходила, все подозрения неизменно вели к тому самому мужчине в красном.

Снаружи донеслись громкие, суетливые звуки, Цзян Шэнь без стука распахнул дверь и, не говоря ни слова, потащил ее на улицу.

— Цзин-Цзин, беда! Пошли!

Когда Чжао Цзинъань и Цзян Шэнь прибежали в главный приемный зал Долины Хаожань, просторное помещение было уже почти заполнено людьми. Представители Виллы Куньлунь, Виллы Миндэ, Виллы Дуаньсюэ, Города Аньлэ и прочих влиятельных кругов были в сборе; к ним примкнули еще какие-то бродячие мастера и адепты неопределенных сект. Все они выглядели сурово, а некоторые — откровенно кровожадно. Толпа плотным кольцом окружила мужчину в роскошных парчовых одеждах красно-черной расцветки, шумно обсуждая происходящее.

— Это он! — изумленно выдохнула Чжао Цзинъань.

— Глава Дворца Лихуань Хэ Чжанчжи. Ты с ним знакома? — удивился Цзян Шэнь.

Чжао Цзинъань на секунду потеряла дар речи и лишь выдавила:

— Встречались однажды. Фразу В тот раз он спасал человека, а я лишь путалась у него под ногами она благоразумно проглотила и тихо спросила: — Он что, плохой человек?

— Он из Мира Демонов и Зла, так что в глазах Союза Цзянху он, разумеется, не ангел, но... — Цзян Шэнь подбирал слова, пытаясь растолковать подробнее, но понял, что Хэ Чжанчжи — фигура настолько неординарная, что в двух словах тут не обойтись. Плюнув на объяснения, он изрек двусмысленно: — По крайней мере, в моих глазах он не злодей.

Мир Демонов и Зла и Союз Цзянху существовали обособленно и в то же время находились в состоянии перманентного противостояния. Когда-то между ними бушевала жестокая вражда, повлекшая огромные жертвы в масштабных битвах. Позже на арене внезапно появился Дворец Лихуань, превратившийся в самую влиятельную силу Мира Демонов и Зла. Поскольку тогдашний глава Хэ Сохуань не любил распрей и прижал к ногтю другие секты Темного Мира, обе стороны хотя и не предали забвению старые обиды, но поддерживали хрупкий статус-кво в духе взаимного ненападения, а подвернув удачный случай подзаработать — глядишь, и торговые дела завязали бы.

В отличие от Союза Цзянху, Хэ Чжанчжи придерживался того же нрава, что и его старик-отец: он не желал никого излишне ущемлять, считая это хлопотным делом, и не особо контролировал секты Мира Демонов и Зла — пока те не бесчинствовали откровенно злонамеренно, он давал им полную волю. Со временем Дворец Лихуань и вовсе превратился в обособленное явление: не принадлежа Союзу Цзянху, он не жаловал вниманием дела цзянху, а в самом Мире Демонов и Зла числился скорее номинально.

Чжао Цзинъань кивнула:

— А, значит, он точно не глава долины Чжао.

— Разумеется, он не Чжао Сюньюань, — взвешивая слова, ответил Цзян Шэнь. — Они совершенно разные, но... на удивление гармонично смотрятся вместе.

Окружавшие Хэ Чжанчжи люди пылали воинственным задором, готовые в любую секунду броситься на него толпой. Сам же он держался непринужденно и спокойно, выказывая полную беспечность, в равной мере наглую и невозмутимую.

— Глава Хэ, не ожидал, что у вас хватит смелости явиться сюда, — подал голос Тун Вэй из Города Аньлэ.

— Глава Тун шутит. Раз уж Чжао Сюньюань посмел пригласить меня, почему бы Хэ не

осмелиться прийти?

Хэ Чжанчжи неторопливо развернулся. Его прекрасные глаза излучали мягкий блеск; перед лицом кровожадно настроенной толпы его несравненная красота ничуть не померкла — он по-прежнему выглядел расслабленным, а его ослепительное великолепие не шло ни в какое сравнение ни с кем.

Только теперь Чжао Цзинъань заметила, как тщательно он сегодня одет. На нем были всё те же красно-черные тона, а прядь волос на затылке по-прежнему была небрежно перехвачена лентой. Но явственно чувствовалось, что наряд выбирался с особым пристрастием: красный цвет — более глубокий и насыщенный — идеально гармонировал с темными узорами на ткани, а пояс украшала тончайшая вышивка, где каждый стежок был проложен с поистине щепетильной аккуратностью. Всё выдавало торжественность момента. Рукава его одеяний были предусмотрительно стянуты на запястьях, защищая половину кисти, а поверх красовался длинный халат цвета запекшейся крови из изысканнейшей ткани, еще сильнее подчеркивавшей его неотразимое, колдовское очарование.

Если в тот раз в лесу он походил на беспечного юного красавца-странника, то сегодня перед ними предстал великий, несравненный соблазнитель-демон.

— Хм! Кровожадный маньяк, обгаренный кровью по самые локти, и смеет вести себя столь нагло на территории Союза Цзянху!

— Глава Тун, мы оба — гости Долины Хаожань. Ради Чжао Сюньюаня я готов проявить толику уважения, но вы-то сами подумайте головой: лучше не доводите дело до худшего, — Хэ Чжанчжи обворожительно улыбнулся, хотя в уголках его губ заледенел холодный оттенок. Обведя взглядом собравшихся, он с нескрываемым раздражением бросил: — Где Чжао Сюньюань? Он сам позвал меня, так неужели его самого нет в долине?

Раздался прохладный голос, от которого зашумевшая толпа мгновенно затихла. Этот голос был одновременно знаком и чужд, отчего сердце Хэ Чжанчжи пропустило удар, словно разделявшие их годы в один миг разлетелись на осколки, растертые в пыль.

— Разве глава Хэ в самом деле не знал, есть ли брат в долине?

<http://bllate.org/book/19522/1913979>